

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

В.Н. Зима

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8058

ПАРМЕНИД И СТАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Проанализировано содержание статической концепции времени и тех основных ее форм, в виде которых она существует в современной философии. Исследован вопрос о связи статической концепции времени и взглядов античного философа Парменида Элейского. Проанализированы взгляды ряда современных исследователей, которые допускают существование подобной связи. Сделан вывод о невозможности рассматривать взгляды Парменида как любую из форм статической концепции времени. Показано значение анализа парменидовского подхода к пониманию бытия для постановки проблемы времени в философии и решения вопроса об онтологических условиях объективации времени. Проанализирован вопрос о связи времени и множественности. Сделан вывод о том, что множественность не является достаточным условием объективации времени. Прослежена тенденция, связанная с решением вопроса о соотношении времени, вечности и множественности в позднем неоплатонизме, и сделан вывод о том, что она состоит в преобладании этернальной, а не темпоральной, интерпретации данного соотношения, что нашло свое выражение в понимании вечности как способа координации множественности. Сделан вывод о том, что способ представления времени в виде В-серий в современной философии (статическая концепция времени) допускает не только темпоральную, но также и атемпоральную, и даже этернальную интерпретацию. Указано, что основное значение альтернативных интерпретаций в том, что они с новой силой поднимают вопрос о том, чем онтология времени в действительности отличается от онтологии вечности.

Ключевые слова: философия, время, вечность, множественность, темпоральность, атемпоральность, этернальность, онтология, Парменид, неоплатонизм.

Одним из способов представления времени, как известно, является так называемая *статическая концепция времени*. Одноименный термин (по англ. — *the static view of time* либо *the static conception of time*) в XX столетии получил довольно широкое распространение в англо-американской философии, поскольку позволял выразить ряд специфических черт онтологии времени, которые были выявлены в результате исследований в метафизике и философии науки. Тем не менее, анализ литературы, посвященной различным аспектам статической концепции времени, на мой взгляд, позволяет говорить о том, что относительно решения вопроса о содержании и границах использования понятия статической концепции времени сложилась весьма неоднозначная ситуация. С учетом того, что данное представление продолжает активно использоваться исследователями, данный вопрос требует дальнейшего и более тщательного анализа. В настоящей статье я обращаюсь к одному из клю-

чевых, как представляется, его аспектов, который, насколько мне известно, до настоящего времени не становился предметом специальной рефлексии. Речь идет об имеющей место среди ряда исследователей тенденции так или иначе связывать статическую концепцию времени со взглядами античного философа Парменида. Справедливости ради следует, конечно, заметить, что эта тенденция не является универсальной, однако, например, в отечественной философской литературе она может считаться одной из влиятельных. Прежде чем приступить к анализу указанной тенденции, мне представляется необходимым кратко рассмотреть вопрос об истории появления и современном состоянии статической концепции времени.

Своим появлением в арсенале современной метафизики данный термин обязан тем дискуссиям, которые развернулись вокруг двух альтернативных способов представления времени, которые были предложены английским философом

Дж. Мак-Таггартом в начале прошлого века¹. Речь идет о так называемых А- и В-сериях. И те, и другие — это способ представить отношения между событиями. В А-сериях речь идет об отношениях *прошлого, настоящего и будущего*, в В-сериях — об отношениях в виде «раньше, чем» — «позже, чем». По мнению Мак-Таггарта, который в качестве исходного пункта своих рассуждений взял тезис о неразрывной связи времени и изменений, А-серии являются условием В-серий, первичны по отношению к ним, поскольку только в них возможны действительные изменения. Но так как само представление времени в виде А-серий наталкивается на внутренние противоречия, то следует признать, что времени не существует. Таков основной вывод Мак-Таггарта. Последующие философы, работавшие в аналитической традиции, с этим выводом были не согласны. Их усилия, в зависимости от того, какую точку зрения отстаивали исследователи, сосредоточились на доказательстве того, что для представления времени вполне достаточно либо А-, либо В-серий, в связи с чем соответствующие альтернативные взгляды получили название А- и В-теорий времени. С метафизической точки зрения речь идет о выборе адекватной онтологии времени, а основным признается вопрос о том, существует ли действительное онтологическое различие между моментами времени. Сторонники А-теорий считают, что такое различие существует. Сторонники В-теорий его отрицают. С точки зрения последних все времена и вещи, в них находящиеся, существуют в равной степени и имеют одинаковый онтологический статус². Принято считать, что одно из основных отличий А- и В-серий состоит в том, что первые выражают *динамический* аспект времени, а вторые — *статический*, в связи с чем в зарубежной метафизике сложилась определенная традиция использовать термин «the static view of time» в качестве синонима В-теорий времени³.

Что касается более древней предыстории статического понимания времени, то, как считает Р. Сорабджи, впервые в значении, сходном с современным, оно обнаруживается в трудах неоплатоника Ямвлиха, который предлагает различать *высшее* (запредельное физическому миру) и *низшее* время, причем если первое Ямвлих описывает как *текущее* время, то второе — как *статическое* время⁴. Однако, по мнению Р. Сорабджи, говорить о том, что ямвлиховское понимание статического времени аналогично тому, которое было развито в современной метафизике, не представляется возможным, поскольку статическое время у Ямвлиха, во-первых, одно (это не моменты во времени, между которыми существуют отношения), во-вторых, оно не имеет отношение к чувственному миру, располагаясь на ином уровне бытия⁵.

В философии науки появление статического взгляда на природу реальности и, как следствие, на природу времени, было связано с формированием теории относительности в трудах А. Эйнштейна и во многом выражало его собственную позицию. По мнению Эйнштейна, динамической картине теории относительности «явно предпочла статическую картину и нашла в этом представлении движения, как того, что существует в пространстве-времени, более удобную и более объективную картину реальности»⁶. Последнее обусловлено тем, что в теории относительности «деление на время и пространство не имеет объективного смысла, так как время больше не является «абсолютным»⁷. Более того, следует отметить, что успехи теории относительности во многом способствовали тому, что статическое понимание времени, развитое в ее рамках, распространилось и за ее пределы. Например, отрицание абсолютной одновременности в рамках специальной теории относительности (СТО) традиционно и по сей день многими рассматривается как статусный аргумент в пользу В-теорий времени не только многими ведущими зарубежными физиками, но также и философа-

¹ McTaggart J.M.E. The Unreality of Time // Mind. 1908. Vol. 17. P. 457-474.

² Loux. M.J. Metaphysics: a contemporary introduction / Michael J. Loux. — 3rd ed. — Routledge, N.Y., L., 2009. P. 213; Price H. Time's Arrow and Archimedes' Point. N.Y., 1996. P. 12.

³ Craig W.L. Time and eternity: Exploring God's Relationship to Time. Crossway, Wheaton, Illinois, 2001. P. 110; Dorato M. On Becoming, Cosmic Time and Rotating Universes // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 274; Hofer C. Freedom from the Inside Out // Ibid. P. 203; Oaklander L.N. The Ontology of Time. Prometheus Books. N.Y., 2004. P. 337.

⁴ Sorabji R. Time, creation and the continuum: theories in antique and the early middle ages. Ithaca (N.Y.), 1983. P. 33-39.

⁵ Там же. С. 37-39.

⁶ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов // Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. 4. С. 487.

⁷ Там же. С. 489.

ми⁸. С этим выводом, правда, согласны далеко не все. Так, У. Крейг указывает, что тезис, согласно которому СТО устраняет абсолютное время и утверждает относительность одновременности, может быть поставлен под сомнение как минимум по двум причинам. Во-первых, данный тезис основан на далеко не безусловной верификационистской предпосылке, которую следует отнести к философским основаниям СТО. Ограниченность принципа верификационизма, хорошо известная в современной философии науки, означает в свою очередь и слабость СТО как философской концепции времени. Кроме того, понятие абсолютного времени у Ньютона — понятие не эмпирическое, а метафизическое, тогда как в своей известной статье 1905 года Эйнштейн предложил определять понятия *времени* и *одновременности* в терминах эмпирически проверяемых действий. Следовательно, не приходится говорить о том, что СТО устраняет понятие абсолютного времени⁹. Во-вторых, идея относительности одновременности сама опровергается экспериментальным подтверждением теоремы Белла¹⁰. Последнее обстоятельство, по мнению У. Крейга, является наиболее важным аргументом в пользу того, чтобы отдать предпочтение предложенной Х. Лоренцем альтернативной интерпретации принципа специальной относительности, которая эмпирически эквивалентна эйнштейновской, но при этом не исключает абсолютного времени и абсолютной одновременности и оказывается совместима с динамической концепцией времени¹¹.

Однако в любом случае, вне зависимости от выбора ее релевантной интерпретации, именно благодаря теории относительности вопрос о возможном статическом понимании времени приобретает более широкое значение, выходящее за пределы одной лишь теоретической метафизики. Поэтому, видимо, отнюдь не случайно, что некоторые авторы, как, например, М. Тули, идут еще дальше и считают возможным говорить о том, что и сам вопрос о природе времени на фундаментальном уровне может быть представлен в виде дискуссии между *динамической* и *статической* концепциями (в данном случае уже «static

conception» — З.В.), по существу рассматривая этот вопрос в более широком контексте, как вопрос о выборе между динамической и статической концепциями самого мира¹².

Вместе с тем следует отметить, что термин «статическая концепция времени» является не единственным, который используется для выражения одноименной идеи в ее метафизическом и физическом аспектах. Наряду с ним в зарубежной философии также распространены термины «блочное время» (по англ. — the block time либо the block view of time)¹³ и «блочная вселенная» (по англ. — the block universe)¹⁴, причем анализ публикаций позволяет прийти к выводу, что общепринятого устойчивого употребления этих терминов в принципе не существует. Можно предположить, что данное обстоятельство, связано как раз с проблемой выбора адекватной интерпретации принципа относительности и трудностями представления времени в рамках фундированной им модели статического универсума. Так, например, Х. Прайс вообще отрицает правомерность использования эпитета *статическая* в отношении к блочной вселенной по контрасту с динамическим характером «движущегося настоящего», на котором делают акцент альтернативные теории времени. Свою позицию он аргументирует следующим образом. Концепция блочной вселенной сама по себе подразумевает понимание реальности скорее как единичной сущности, в которой время является ее составной частью, чем как изменчивой сущности *во* времени. Вместе с тем использование представления о статическом характере блочной вселенной предполагает, что время — это некоторая рамка, в пределах которой четырехмерный блок вселенной остается тем же самым. Ошибочность такого представления в том, что оно противоречит содержанию самой концепции, подразумевающей именно включенность времени в четырехмерный блок (а не блока *во* время), который сам по себе не может быть назван ни статическим, ни динамическим, либо изменчивым¹⁵. В свою очередь У. Крейг, хотя и приводит сходное описание пространства-времени, кажется, не проявляет какого-либо бес-

⁸ См., напр.: Зима В.Н. Проблема онтологического статуса времени в философии науки: анализ основных трудностей // Философия и культура. 2013. № 1 (61). С. 55.

⁹ Craig W. Op. cit. P. 47-51.

¹⁰ Ibid., P. 54-55.

¹¹ Ibid., P. 54-56.

¹² Tooley M. Time, Tense and Causation. Oxford University Press, N.Y., 1997. P. 11-13.

¹³ Carrol S. From Eternity to Here: the Quest for the Ultimate Theory of Time. Dutton, N.Y., 2010. P. 24; Oaklander L.N. Op. cit. P. 119.

¹⁴ Hoefler C. Op. cit. 204; Price H. Op. cit. P. 12.

¹⁵ Price H. Op. cit. P. 12-13.

покойства по поводу употребления традиционного термина «статический» в отношении четырехмерного пространства-времени, ограничиваясь замечанием о том, что такое пространство-время *внутренне* темпорально в том смысле, что одним из его измерений является время, а *внешне* невременно (timeless) в том смысле, что не существует в некотором сверхвремени¹⁶.

Понятие *статической концепции времени* получило распространение и в отечественной философии. Так Ю.Б. Молчанов, характеризуя данную концепцию, пишет: «согласно *статической* концепции, события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и в известном смысле одновременно, а становление и исчезновение материальных объектов — это иллюзия, возникающая в момент осознания того или иного изменения»¹⁷. Несколько иначе содержание статической концепции излагает А.М. Анисов, хотя и он указывает на то, что с точки зрения статической концепции «становление во времени представляет собой иллюзию чувственного познания»¹⁸. «Отличающимся от настоящего прошлomu и будущему, — пишет А.М. Анисов, — в этой концепции отказано в объективном существовании. Имеется одно настоящее, которое объемлет все бытие»¹⁹. Правда, нельзя не отметить, что в интерпретации обоих авторов содержание статической концепции несколько неожиданно претерпело довольно существенную трансформацию сравнительно с тем, которое традиционно признается в ней в зарубежной философии. Это нетрудно увидеть, если рассмотреть содержание с точки зрения использованного категориального аппарата, а речь в споре между А- и В-теориями времени, напомним, идет именно о нем. В вопросе о том, что следует понимать под содержанием А- и В-теорий в категориальном смысле (в отличие от спора о допустимых синонимах этих теорий), в зарубежной философии существует единая точка зрения. А-теории — это теории, в которых для представления времени используются такие категории (так называемые *А-свойства*), как «прошлое», «настоящее», «будущее» и производные от них, например, «будущий день». В-теории — это теории, в которых

для представления времени используются такие категории (так называемые *В-отношения*), как «раньше, чем», «одновременно с», «позже, чем». Отличие между А- и В-теориями в этом случае заключается в том, что согласно первым, А-свойства действительно существуют (то есть являются объективными свойствами времени), в то время как согласно вторым, А-свойства не существуют (то есть на самом деле обусловлены восприятием субъекта), и в этом смысле не могут быть использованы для описания объективной природы времени²⁰. Следовательно, если использовать указанные выше категории в качестве признака, позволяющего идентифицировать теории времени, то оказывается, что и Ю.Б. Молчанов, и А.М. Анисов по существу говорят о времени не столько на языке статической концепции в качестве синонима В-теорий (хотя в их интерпретации и сохраняется такой ее признак как рассмотрение становления в качестве иллюзии), сколько на языке А-теорий, то есть динамической концепции.

Перейдем к основному вопросу. Как было сказано выше, можно уверенно констатировать тот факт, что некоторые отечественные исследователи проблемы времени считают возможным характеризовать взгляды Парменида в качестве варианта статической концепции времени. Наиболее определенно эта точка зрения изложена у Ю.Б. Молчанова, который полагает, что «в учении элеатов мы сталкиваемся с последовательным и сознательным проведением статической концепции времени в том виде, естественно, в каком это было возможно в рамках теоретических представлений той эпохи»²¹, поскольку «согласно этому учению, истинное бытие вечно, оно находится вне времени, едино... и неизменно»²², тогда как «наблюдаемые нами движение, становление и гибель тел есть не более чем иллюзия, обусловленная несовершенством наших органов чувств»²³. Аналогично оценивает взгляды Парменида и Мелисса А.М. Анисов²⁴. С выводами указанных авторов трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, достаточно противоречива

¹⁶ Craig W. Op. cit. P. 169.

¹⁷ Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. С. 5.

¹⁸ Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000. С. 19.

¹⁹ Там же.

²⁰ Carrol J.W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics. Cambridge University Press, N.Y., 2010. P. 163.

²¹ Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. С. 11.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000. С. 18-19.

точка зрения Ю.Б. Молчанова, поскольку он сам говорит о том, что в понимании элеатов «истинное бытие вечно, оно находится вне времени». Единственное, что можно предположить, это то, что в качестве основного критерия статической концепции времени берется именно признание иллюзорности становления. Такая точка зрения была бы в целом логически корректна, но дело в том, что традиционно статическую концепцию принято рассматривать, как мы это видели выше, как способ представления времени в качестве объективной характеристики бытия, а признание времени иллюзорным не является ее существенным и необходимым атрибутом, в качестве такового составляя принадлежность, скорее, субъективных концепций времени. Во-вторых, и это, на мой взгляд, самое главное, следует помнить, что ключевой тезис Парменида состоит вовсе не в отрицании объективного характера времени, а в утверждении того, что бытие должно быть одно. Именно по этой причине к парменидовскому пониманию бытия в принципе невозможно приложить никакие темпоральные характеристики, и речь в данном случае, следовательно, должна идти уже не о том, изменчиво оно или неизменно, существует ли становление или нет, то есть не о выборе между статическим и динамическим пониманием бытия, а о том, что минимальным онтологическим условием объективации времени, понимаемого как способ представления отношения между событиями (вне зависимости от выбора способа представления), очевидно, является объективация множественности как таковой. Парменидовское понимание бытия, таким образом, представляет яркий пример того, что время может вовсе не относиться к фундаментальным характеристикам мироздания, и значение парменидовского онтологического дискурса прежде всего в том, что он со всей остротой, хотя, скорее, в имплицитной форме, ставит вопрос о том, какими характеристиками должно обладать бытие, чтобы время могло числиться среди его основных атрибутов. Поэтому выводы, полученные Парменидом в результате дедуктивного анализа бытия, на мой взгляд, скорее следует поместить среди тех, которые в истории философии были приведены в пользу нереальности времени, хотя проблема последнего и не обсуждается Парменидом специально.

По причине того, что парменидовское представление бытия исключает множественность из числа его характеристик, я не могу согласиться и

со вторым из бытующих среди ряда современных авторов способов связывать статический подход к пониманию времени со взглядами этого античного мыслителя. Речь в данном случае идет о попытках характеризовать взгляды сторонников статического подхода в качестве «парменидовских». Примером такого подхода в зарубежной философии является работа Р. Хили, который считает возможным без каких-либо специальных пояснений применять данный эпитет в отношении ряда концепций, связанных с пониманием времени в квантовой теории гравитации. Дело в том, что уравнение Уиллера-ДеВитта, которое в квантовой теории гравитации является аналогом уравнения Шредингера, в отличие от последнего не содержит временного параметра. Это означает, что состояние системы, описываемое уравнением Уиллера-ДеВитта (например, волновая функция вселенной в космологическом решении данного уравнения, предложенном С. Хокингом), фактически не меняется со временем, что и позволяет Р. Хили назвать такой физический объект «парменидовской вселенной»²⁵, а взгляды физиков К. Ровеллии и Дж. Барбура, отрицающих существование времени на фундаментальном уровне реальности, — соответственно «парменидовскими». Из отечественных исследователей термин «парменидовская наука» в отношении взглядов сторонников статической концепции употребляется А.М. Анисовым²⁶.

Мое несогласие с использованием подобной терминологии, однако, продиктовано не просто стремлением к более тщательному использованию историко-философских параллелей в философии науки. Ниже я хочу показать, что исследование вопроса о способах представления времени в онтологии имеет самую непосредственную связь с категорией множественности в качестве важнейшего, но отнюдь не единственного условия объективации темпоральности как характеристики бытия. В свою очередь, взгляды Парменида могут быть использованы здесь в качестве отправной точки анализа проблемы, поскольку все значение рассуждений Парменида для последующего развития античной (и не только) философии как раз и

²⁵ Healey R. Can Physics Coherently Deny the Reality of Time? // Time, Reality & Experience /edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 296, 305.

²⁶ Анисов А.М. О понятиях направленности и необратимости времени // Синергетика времени. М.: Репроникс, 2007. С. 180, 183; Он же. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000. С. 17.

определяется тем, что из них вытекает требование рационального обоснования множественности, а, следовательно, и времени как такового. Заслуживает внимания, на мой взгляд, прежде всего то обстоятельство, что способы этого обоснования оказываются различными в разных традициях, и именно выбранными предпосылками определяется в итоге своеобразие предложенных в их рамках моделей темпоральности.

Первым из античных авторов, кто в строго теоретическом ключе предложил способ обоснования множественности, стал Платон. Предложенное им решение, как это аргументировано показывает П.П. Гайденко, было связано с отказом от характерного для элеатов понимания бытия и единого как синонимов. Бытие в отличие от единого, по мнению Платона, должно обладать множественностью, которая является условием познаваемости бытия. Что же касается единого, то «будучи по ту сторону бытия и знания, единое составляет условие возможности того и другого»²⁷. Подобная интерпретация возражений не вызывает. Однако в этом случае главным, на мой взгляд, оказывается следующий вопрос: *является ли такого рода онтологический дискурс, развитый Платоном, достаточным средством для объективации времени?* Результат, полученный Платоном, как представляется, требует более детального анализа, поскольку экспликация предпосылок, положенных Платоном в основу своих рассуждений, а также исследование того влияния, которое оказала его онтология на взгляды позднейших авторов, позволяют лучше понять действительный характер статической концепции времени.

По мнению П.П. Гайденко, хотя она специально и не рассматривает вопрос в сформулированном нами ракурсе, рассмотренные выше рассуждения Платона о соотношении бытия и единого имеют непосредственную связь с проблемой времени, поскольку *время в качестве последовательности оказывается множеством*, и, следовательно, «без понимания того, что такое множество и как оно связано с единством, мы не можем осмыслить и природу времени... ибо время есть такая реальность, в которой множество сопряжено с единым»²⁸. Эта идея о сопряженности множественного и единого у Платона находит свое выражение

в его учении о времени как подобии вечности, в котором последняя как раз и выступает в роли единого²⁹.

Моя точка зрения иная. Я считаю, что на вопрос о том, является ли предложенный Платоном способ обоснования множественности достаточным средством для объективации времени, следует ответить скорее отрицательно. Понять, почему это так, можно, если попытаться проанализировать предпосылку, взятую Платоном в качестве исходной для обоснования множественности бытия. Нетрудно заметить, что она связана с использованием парменидовского тезиса о тождестве бытия и мышления, и именно ей определяется платоновская онтология. У Платона, как хорошо известно, в роли бытия как множества, выступают идеи (а не эмпирические вещи), которые тем не менее сохраняют два важнейших парменидовских атрибута бытия — умопостигаемость и неизменность. Последнее проявляется в том, что платоновскому бытию — умопостигаемому космосу — отказано в темпоральности. Что касается времени, то способ его онтологизации у Платона принципиально иной — не дедуктивный, что обусловлено специфическим онтологическим статусом эмпирического мира (мира становления, противоположного миру бытия), обоснование которого в качестве необходимого элемента мироздания, очевидно, вообще невозможно в рамках тезиса о тождестве бытия и мышления. Время, поэтому, хотя и рассматривается как образ вечности, но, его происхождение, равно как и происхождение видимого космоса, не находится в необходимой логической, либо метафизической, связи ни с миром идей, ни с вечностью и отнюдь не случайно, что в качестве онтологической категории время у Платона появляется не в результате дедуктивного анализа бытия, а в рамках «правдоподобного мифа». В этом смысле, на мой взгляд, весьма важно подчеркнуть, что проблема объективации времени как свойства бытия, не может считаться решенной у Платона также, как и у Парменида, что лишь обостряет проблему времени. Кроме того, следует обратить внимание, что в любом случае у Платона задача обоснования множественности исходно решается скорее в русле эпистемологическом, чем в русле, так сказать, объективно метафизическом, и это приводит к двум важным последствиям, определяющим «естественные» границы платоновской онтологии: во-первых, мы получаем предпола-

²⁷ Гайденко П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 23.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Там же.

емый ответ на вопрос, почему бытие должно быть множественно, если оно познаваемо, но не ответ на вопрос, почему бытие множественно, а не едино само по себе; во-вторых, обоснование множественности достигается в отношении умопостигаемого бытия, но не эмпирического космоса, в котором только и существует время согласно Платону.

Подлинная новизна платоновской онтологии, сравнительно с парменидовской, таким образом, состоит вовсе не в том, что в ней решается задача объективации времени, но, скорее, в том, что в ней появляется новая, сравнительно с онтологией парменидовской, категория, при помощи которой характеризуется природа умопостигаемого бытия, — категория *вечного*. Однако при этом следует отметить, что Платон не дал развитого учения о вечности; разработка последнего — заслуга неоплатонизма³⁰. И все-таки очень сильное влияние Платона, связанное с предложенным им онтологическим различением бытия и единого, заметно и здесь. Если говорить кратко, то это выглядит следующим образом. У самого Платона категория вечного преимущественно выступает в роли не сущности, а предиката, который используется в двух аспектах: в первом — для обозначения *способа бытия* вечных сущностей (идей), во втором — для обозначения *способа координации* множественности, представленной миром идей, когда говорится о вечной природе умопостигаемого космоса. Лишь в диалоге «Тимей» Платон говорит о вечности как «пребывающей в Едином»; данное утверждение не получило у него какого-либо дальнейшего разъяснения, но было широко использовано в неоплатонизме. Однако, и это особенно важно отметить, хотя способ связи вечности и Единого Платон и не раскрывает; однако ни он, ни тем более неоплатоники не считают вечность свойством Единого. Последние, так или иначе, помещают ее на уровне Ума, которому уже присуща определенная множественность, а сама вечность все более приобретает черты природы. И таким образом в итоге свое преимущественное развитие получает *понимание вечности как способа координации множественности*³¹, имеющей место на том уровне бытия, который в прин-

ципе не причастен времени, единства, которое, тем не менее, не превращается в единое; единое и многое здесь, действительно, оказываются тесно сопряжены, но никакого отношения ко времени это не имеет.

Таким образом, относительно решения вопроса о связи категорий множественности, времени и вечности, в том виде, как он был мной поставлен, я прихожу к следующему выводу. Принципы, которые легли в основу платонического обоснования множественности, в силу их вышеуказанной специфики в перспективе оказали влияние, прежде всего, на развитие представлений об этернальном, а не темпоральном аспекте множественности, поскольку в любом случае в них не содержится критерия для различения вечности и времени в качестве двух альтернативных способов представления множественности; вместе с тем тезис о тождестве бытия и мышления побуждает отдать предпочтение этернальной интерпретации (что мы и наблюдаем в позднем неоплатонизме), как являющейся его логическим следствием в решении вопроса о том, к какому именно уровню бытия следует отнести получившуюся множественность.

Теперь о том, какое это отношение имеет к статической концепции времени. Самое непосредственное! Ведь сказанное означает, что поздний неоплатонизм демонстрирует нам крайне интересную альтернативу относительно способа интерпретации того, что в действительности представляют собой отношения, известные как В-серии, которые в современной философии преимущественно принято считать отношениями темпоральными. И здесь я хочу обратить внимание на два момента. Начну с обращения к уже упоминавшейся работе У. Крейга. Этот автор, отдавая предпочтение А-концепциям времени, формулирует один принципиальный тезис, который, на мой взгляд, заслуживает внимания. По мнению Крейга, нет никаких оснований говорить о том, что отношения в виде В-серий вообще можно рассматривать как отношения темпоральные. Обусловлено это тем, что понятия «раньше» и «позже», которые фундаментальны для В-серий, на самом деле являются всецело относительными и субъективными (то есть, сами по себе «раньше» и «позже» не существуют), поскольку само представление времени в виде В-серий основано на признании равного существования (сосуществования) всех событий. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что В-серии являются темпоральными в большей степени, чем, например, последовательность в виде ряда

³⁰ Подробный анализ основных тенденций в понимании вечности в неоплатонизме, а также о соотношении категорий вечности, времени и множественности см. в моей монографии (Зима В.Н. Учение о времени и вечности в античной философии и патристике (опыт сравнительного анализа). М., 2009).

³¹ См., напр., у Дамаския (Комментарий к «Пармениду» Платона. С. 36, 72).

натуральных чисел и другие отношения подобного рода (которые, по всеобщему признанию принято считать отношениями атемпоральными)³². Таким образом, перед нами пример того, что так называемое статическое время в принципе может вообще не рассматриваться в качестве времени в подлинном смысле. Кроме того, на этом примере мы снова сталкиваемся с ситуацией, когда множественность не может считаться единственным условием объективации времени.

Второй момент. Он касается явного отличия того подхода, который мы видим у Крейга и других представителей аналитической философии от того, который был развит в неоплатонизме. На мой взгляд, раскрытие подлинного содержания В-серий (атемпоральных по существу) должен был бы иметь своим логическим результатом если и не проведение прямых параллелей с этерральными идеями неоплатонизма, то, по крайней мере, рассмотрение вопроса о том, каково содержание В-теорий в онтологическом плане. Являются ли В-серии скорее и просто сериями атемпоральными в том смысле, что в них так и не решена задача объективации «раньше» и «позже» или же все-таки возможна их интерпретация как серий объективно этерральных? На мой взгляд, подобная постановка вопроса является вполне допустимой, если вспомнить о том, что одной из наиболее трудных и широко обсуждаемых среди сторонников В-теорий времени является проблема так называемой «устойчивости вещей во времени». Дело в том, что в В-теориях, вещи понимаются как своего рода агрегаты из темпоральных частей, каждая из которых локализована в своей точке четырехмерного пространственно-временного блока. Не затрагивая сейчас вопросов об известных трудностях подобного представления, я хочу обратить внимание лишь на одну из них, указаний на которую в литературе мне встречать не приходилось. С моей точки зрения, трудность эта состоит в том, что подобный способ представления вещей не дает ответа на целый ряд вопросов, исключительно важных в плане онтологии единичных вещей. Среди них два основных. Во-первых, почему существует множественность, а следовательно вещи и их части, если они действительно существуют объективно, а не являются лишь результатом нашего восприятия? Во-вторых, что в онтологическом плане обуславливает иерархию различия между темпоральными частями внутри вещей, с одной стороны, и самими

вещами, с другой. Ассоциация с неоплатонизмом с его представлениями о вечности, выполняющей координирующую функцию относительно множественности, здесь напрашивается сама собой. Однако, в действительности ни у Крейга, ни у других авторов мы не встретим попыток рассматривать В-серии как способ представления вечности. Причину этого, на мой взгляд, следует искать в специфическом для западной философии понимании вечности как исключительного свойства Бога, понимания, фундированном взглядами Августина Блаженного и Боэция³³. Подобная расстановка акцентов, как представляется, может быть одной из причин того, что онтологическое содержание В-серии до сих пор не рассматривается как содержание не столько атемпоральное, но, скорее, как этерральное. В этом не было бы ничего удивительного, с учетом того обстоятельства, что в контексте христианского креационизма, ставшего принципиальной метафизической альтернативой античному платонизму, действительно, не существует ничего подлинно вечного, кроме Бога, если бы не одно «но». Дело в том, что статическая концепция времени, и, тем более, представления о времени как блоке, не имеющем начала, никакого отношения к христианскому креационизму в метафизическом плане, очевидно, не имеет. Да и платонизм в современной физике, претендующей на поиск своих философских оснований, явление достаточно распространенное. Поэтому я склонен видеть в том, что В-теории не позиционируют себя как онтологии этеррального модуса бытия, скорее следствие внутренних противоречий, им свойственных, чем последовательное проведение их сторонниками креационистских взглядов. Однако в любом случае, все значение экспликации того факта, что существует реальная возможность атемпоральной и даже этерральной интерпретации В-серий состоит в том, что вопрос о том, что делает время временем и отличает его от вечности в ее возможной неоплатонической интерпретации для современной философии должен приобрести гораздо большую остроту.

Несколько слов в заключении. Тема времени, как мы видели, оказывается тесно связанной с темой множественности, и поэтому проблема множественности, оставленная Парменидом, продолжает сохранять значение и по сей день,

³² Craig W. Op. cit. P. 138-139, 194-196.

³³ Подробнее см.: Зима В.Н. Некоторые аспекты представления вечности в античной и раннесредневековой философии в контексте современных проблем онтологии и философии науки. Преподаватель XXI век. М., 2011. № 2. С. 219-220.

хотя сам Парменид к формированию статической концепции времени непосредственно оказывается непричастен. Три вопроса здесь, кажется, имеют особое значение. Первый — это вопрос о том, является ли множественность достаточным условием для объективации времени. Изучение различных способов понимания соотношения времени и множественности как в античном платонизме, так и в современной метафизике, показывает, что на этот вопрос приходится дать скорее отрицательный ответ. Но то, что для обоснования времени как объективного свойства бытия решение вопроса о множественности является необходимым условием — это несомненно. Отсюда — второй вопрос. Как обосновать множественность? Способ, которым этого достигает Платон, оказывается принципиально ограниченным в том смысле,

что множественность у него является дедуктивно полученным следствием из исходного тезиса о тождестве бытия и мышления. Поэтому самым главным и безусловно актуальным для современной метафизики, для которой тезис реализма имеет большое значение, мне кажется, оказывается третий вопрос: каковы объективные предпосылки множественности в качестве фундаментального свойства объективной реальности, которые бы коренились в природе самой реальности? Здесь мне представляется очень значительной идея, оформившаяся именно в рамках христианского креационизма. Суть ее в самых общих чертах в том, что множественность тварного бытия является своеобразным проявлением его метафизической ограниченности, в отличие от метафизической полноты Творца.

Список литературы:

1. Анисов А.М. О понятиях направленности и необратимости времени // Синергетика времени. М.: Репроникс, 2007. С. 171-195.
2. Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000. 208 с.
3. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
4. Дамаский. Комментарий к «Пармениду» Платона / Перевод с древнегреч., статья, примеч., указатели, список литературы Л.Ю. Лукомского. СПб., 2008. 752 с.
5. Зима В.Н. Некоторые аспекты представления вечности в античной и раннесредневековой философии в контексте современных проблем онтологии и философии науки // Преподаватель XXI век. 2011. № 2. С. 219-230.
6. Зима В.Н. Проблема онтологического статуса времени в философии науки: анализ основных трудностей // Философия и культура. 2013. № 1 (61). С. 50-59.
7. Зима В.Н. Учение о времени и вечности в античной философии и патристике (опыт сравнительного анализа). М., 2009. 266 с.
8. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. 192 с.
9. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов // Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. 4. С. 357-543.
10. Carrol S. From Eternity to Here: the Quest for the Ultimate Theory of Time. Dutton, N. Y., 2010. 438 p.
11. Carrol J.W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics. Cambridge University Press, N.Y., 2010. 268 p.
12. Craig W.L. Time and eternity: Exploring God's Relationship to Time. Crossway, Wheaton, Illinois, 2001. 272 p.
13. Dorato M. On Becoming, Cosmic Time and Rotating Universes // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 253-276.
14. Healey R. Can Physics Coherently Deny the Reality of Time? // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 293-316.
15. Hofer C. Freedom from the Inside Out // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 201-222.
16. Loux. M.J. Metaphysics: a contemporary introduction / Michael J. Loux. 3rd ed. Routledge, N.Y., L., 2009. 309 p.
17. McTaggart J.M.E. The Unreality of Time // Mind. 1908. Vol. 17. P. 457-474.
18. Oaklander L.N. The Ontology of Time. Prometheus Books. N.Y., 2004. 366 p.
19. Price H. Time's Arrow and Archimedes' Point. N.Y., 1996. xiii+306 p.

20. Sorabji R. Time, creation and the continuum: theories in antique and the early middle ages. Ithaca (N.Y.), 1983. 473 p.
21. Tooley M. Time, Tense and Causation. Oxford University Press, N.Y., 1997. 424 p.

References (transliteration):

1. Anisov A.M. O ponyatiyakh napravlenosti i neobratimosti vremeni // Sinergetika vremeni. M.: Reproniks, 2007. S. 171-195.
2. Anisov A.M. Temporal'nyy universum i ego poznanie. M., 2000. 208 s.
3. Gaydenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeyskoy filosofii i nauke. M.: Progress-Traditsiya, 2006. 464 s.
4. Damaskiy. Kommentariy k «Parmenidu» Platona / Perevod s drevnegrech., stat'ya, primech., ukazateli, spisok literatury L.Yu. Lukomskogo. SPb., 2008. 752 s.
5. Zima V.N. Nekotorye aspekty predstavleniya vechnosti v antichnoy i rannesrednevekovoy filosofii v kontekste sovremennykh problem ontologii i filosofii nauki // Prepodavatel' XXI vek. 2011. № 2. S. 219-230.
6. Zima V.N. Problema ontologicheskogo statusa vremeni v filosofii nauki: analiz osnovnykh trudnostey // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 1 (61). S. 50-59.
7. Zima V.N. Uchenie o vremeni i vechnosti v antichnoy filosofii i patristike (opyt sravnitel'nogo analiza). M., 2009. 266 s.
8. Molchanov Yu.B. Chetyre kontseptsii vremeni v filosofii i fizike. M.: Nauka, 1977. 192 s.
9. Eynshteyn A., Infel'd L. Evolyutsiya fiziki. Razvitie idey ot pervonachal'nykh ponyatiy do teorii otnositel'nosti i kvantov // Eynshteyn A. Sobranie nauchnykh trudov v chetyrekh tomakh. T. 4. S. 357-543.
10. Carrol S. From Eternity to Here: the Quest for the Ultimate Theory of Time. Dutton, N. Y., 2010. 438 p.
11. Carrol J.W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics. Cambridge University Press, N.Y., 2010. 268 p.
12. Craig W.L. Time and eternity: Exploring God's Relationship to Time. Crossway, Wheaton, Illinois, 2001. 272 p.
13. Dorato M. On Becoming, Cosmic Time and Rotating Universes // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 253-276.
14. Healey R. Can Physics Coherently Deny the Reality of Time? // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 293-316.
15. Hoefler C. Freedom from the Inside Out // Time, Reality & Experience / edited by Craig Callender. N.Y., 2002. P. 201-222.
16. Loux. M.J. Metaphysics: a contemporary introduction / Michael J. Loux. 3rd ed. Routledge, N.Y., L., 2009. 309 p.
17. McTaggart J.M.E. The Unreality of Time // Mind. 1908. Vol. 17. P. 457-474.
18. Oaklander L.N. The Ontology of Time. Prometheus Books. N.Y., 2004. 366 p.
19. Price H. Time's Arrow and Archimedes' Point. N.Y., 1996. xiii+306 p.
20. Sorabji R. Time, creation and the continuum: theories in antique and the early middle ages. Ithaca (N.Y.), 1983. 473 p.
21. Tooley M. Time, Tense and Causation. Oxford University Press, N.Y., 1997. 424 p.